

Послание Зиновия «к неким, вопросившим его о питии» появилось скорее всего в связи с теми спорами, которые возникли в русском обществе, особенно в монашеской среде, после известных постановлений Стоглава о «пьянственном питии» монахов (гл. 49 и 52).²⁹ Выступления церковных писателей на Руси против пьянства имели к середине XVI в., когда писал свое послание Зиновий Отенский, длительную историю.³⁰ Из его современников о пьянстве писали Максим Грек,³¹ Ермолай-Еразм³² и митрополит Даниил. Позиция Зиновия, занятая им по вопросу о «винном питии», близка к последнему. Митрополит рекомендует есть и пить «мерно и разумно во славу божию», «... во всем меру уставим в пици и в питии: в пице — яже к животу точию довлеет, сице ж и в питии — в скорбех, в болезнех и от трудов покой в меру и в старости полезно есть, точию не пьянством, но в мале прохложении же и к животней силе естество окрепити».³³ В полном согласии с ним Зиновий заявляет, что тот, кто «неисцелною печалию снедаем бывает... и той, упився, забудет убожество свое, от силы вина преклоняся в сон, его же ради и поспит в сладость» (л. 94 об.).

В этом послании Зиновий возвращается в основном в круг ветхозаветных и евангельских сюжетов и образов. Помимо Библии, привлечены им только сочинения Василия Великого (л. 81 об.) и Иоанна Златоуста (л. 89). Стиль его живее и проще предыдущего послания. Повествуя о мучениях, которые претерпевают укушенные змеей, Зиновий ссылается на очевидцев — «деревенстних людей», сельских жителей (л. 96 об.). Здесь опять проявляется отмеченное нами на примере «Слова об Ипатии Гангрском»³⁴ присущее ему стремление пояснять непонятные термины: «Точила же убо, идеже вино изжимают, топчющи. По нашей же стране речь сия: на множайшая русла и тшаны потечещи, рече» (л. 96); «мню, кераста гада глаголет, его же у нас именуют уж» (л. 96 об.).

К вопросу о «винном питии» Зиновий вернулся позднее в «Истины показании». Опровергая утверждения Феодосия Косого о том, что «хмель от беса», делавшиеся им со ссылкой на игумена Серапиона,³⁵ Зиновий подробно останавливается на критике Стоглава, запретившего монахам употреблять напитки «с хмелем» и предложившего им пить виноградные вина и мед. Эти постановления Зиновий связывал с «нестяжателями» — князем Вассианом Патрикеевым и Максимом Греком, которые, получая еду и заморские вина от великокняжеского стола, естественно, не могли понять «убогих мнихов». «От сего познавается, — едко замечал он, — яко уставляющий сия не от рассмотрения произвещишася на сие, но мнихов неубогих от хотения своего умышление есть сие установление... яко не-

²⁹ Стоглав, изд. Д. Е. Кожанчикова, СПб., 1863, стр. 166—167, 174—178.

³⁰ В. Жмакин. Митрополит Даниил..., стр. 550—551.

³¹ Максим Грек, Сочинения, ч. II, стр. 149—151, 268—269.

³² ЛЗАК, т. 33, Л., 1926, стр. 198.

³³ ГБЛ, собр. МДА, № 197, лл. 278 об., 454.

³⁴ В. И. Корецкий. Вновь найденное противоречивое произведение Зиновия Отенского, стр. 170.

³⁵ Зиновий Отенский. Истины показание..., стр. 901—902. — Запретить разведение хмеля и корчмство предлагал Ермолай-Еразм, полагая, что по искоренении на Руси пьянства там «не будет и душегубства» (ЛЗАК, т. 33, стр. 198). В древнерусской литературе известны многочисленные сказания против пьянства: «Повесть о высокоумном хмелю», «Слово Василия Великого о хмельном питии», «Слово о хмелю Кирилла философа» и др., но какого-либо сочинения игумена Серапиона на эту тему не зафиксировано; см.: В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть, вып. I. М.—Л., 1940, стр. 251—255; История русской литературы, т. II, ч. 2, М.—Л., 1948, стр. 287—292; А. А. Назаревский. Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1955, стр. 136—143.